

© Я. В. Комар, А. А. Пригарин

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В КРОСС-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ НАРОДОВ В СЕВЕРНОМ ПРИАЗОВЬЕ (ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ НОВОРОССИИ)

Представленная статья посвящена комплексному анализу межнациональных отношений в Новороссии — историко-географическом регионе, характеризующемся многообразием этнокультурных традиций и сложной динамикой межэтнического взаимодействия. В работе осуществляется многоаспектное исследование эволюции этнического состава региона, начиная с колониционных процессов XVIII века, с применением историко-генетического и сравнительно-исторического методов анализа. Авторы детально прослеживают трансформацию этнодемографической структуры территории под влиянием миграционных потоков, государственной национальной политики и социально-экономических преобразований на протяжении имперского, советского и постсоветского периодов. Особую научную ценность представляет анализ последствий советской национальной политики и постсоветских трансформаций, которые привели к существенным изменениям в этнической самоидентификации населения региона и характере межнациональных взаимоотношений. В статье проводится детальная типологизация проблем этнической идентичности, механизмов стереотипизации и конфликтогенных факторов, актуализировавшихся в контексте геополитических изменений последних десятилетий. На основе междисциплинарного подхода, интегрирующего методологические принципы этнологии, социальной психологии, политологии и конфликтологии, авторы выявляют и систематизируют ключевые риски в сфере межнациональных отношений. К таковым отнесены: конфликты доктринального характера, реликтовое антиколониальное мировоззрение, стереотипное восприятие этнических групп, а также последствия демографических трансформаций, вызванных массовыми миграциями и процесса-

Комар Яна Владимировна — к. и. н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 350051 Краснодар, ул. ш. Нефтяников, 32); старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект 32а). Эл. почта: komaryana2006@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8401-0190>

Пригарин Александр Анатольевич — д. и. н., ведущий научный сотрудник, профессор УН Института антропологии и этнологии, Российский государственный гуманитарный университет (Российская Федерация, 125047 Москва, Миусская площадь, 6); ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект 32а). Эл. почта: prigarin.alexand@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6684-309X>

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-01040 «Этнокультурные ландшафты Донбасса и Новороссии: многообразие наследия и потенциал развития (2025–2027)», <https://rscf.ru/project/25-18-01040/>

ми урбанизации. Значительное внимание в работе уделяется критическому анализу государственной политики в отношении национальных меньшинств и оценке эффективности культурно-образовательных программ, направленных на формирование этнической толерантности и предотвращение межнациональных конфликтов. Авторы предлагают научно обоснованную систему рекомендаций по гармонизации межэтнических отношений, включающую образовательные, просветительские и интеграционные меры, адаптированные к специфике региона. Концептуальной основой предлагаемых решений выступает формирование консолидированной гражданской идентичности при сохранении этнокультурного многообразия и укреплении социальной солидарности между различными этническими группами.

Ключевые слова: Новороссия, межнациональные отношения, этнокультурное взаимодействие, этническая идентичность, конфликты стереотипов, риски межнациональных конфликтов

Ссылка при цитировании: Комар Я. В., Пригарин А. А. Историко-культурное наследие в кросс-культурных взаимодействиях народов в Северном Приазовье (восточных районах Новороссии) // Вестник антропологии. 2026. № 2. С. 152–166.

UDK: 327.5:323.1(477.6/.7)

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-2/152-166

Научная статья

© Yana Komar, and Alexandr Prigarin

CULTURAL-HISTORICAL HERITAGE IN INTERETHNIC RELATIONS IN NORTHERN AZOV SEA AREA (EASTERN NOVOROSSIYA)

This article presents a comprehensive analysis of interethnic relations in Novorossiya—a historical and geographical region characterized by diverse ethnocultural traditions and complex dynamics of interethnic interaction. The study employs a multidimensional approach to examine the evolution of the region's ethnic composition, beginning with colonization processes in the 18th century, using historical-genetic and comparative-historical methods of analysis. The authors meticulously trace the transformation of the ethno-demographic structure of the territory under the influence of migration flows, state national policies, and socio-economic changes throughout the imperial, Soviet, and post-Soviet periods. Of particular scholarly significance is the analysis of the consequences of Soviet ethnic policies and post-Soviet transformations, which led to substantial shifts in the ethnic self-identification of the region's population and the nature of interethnic relations. The article develops a typology of ethnic identity issues, mechanisms of stereotyping, and conflict-inducing factors that have intensified in the context of recent geopolitical changes. Using an interdisciplinary approach that integrates methodological principles from ethnology, social psychology, political science, and conflict studies, the authors identify and systematize key risks in interethnic relations. These include: doctrinal conflicts, residual anti-colonial worldviews, stereotypical perceptions of ethnic groups, consequences of demographic transformations caused by mass mi-

gration and urbanization. Significant attention is devoted to a critical analysis of state policies toward national minorities and an assessment of the effectiveness of cultural and educational programs aimed at fostering ethnic tolerance and preventing interethnic conflicts. The authors propose a scientifically grounded set of recommendations for harmonizing interethnic relations, encompassing educational, awareness-raising, and integration measures tailored to the region's specificities. The conceptual foundation of these solutions lies in fostering a consolidated national identity while preserving ethnocultural diversity and strengthening social solidarity among different ethnic groups.

Keywords: *Novorossiya, interethnic relations, ethnocultural interaction, ethnic identity, stereotype conflicts, risks of interethnic conflicts*

Authors Info: Komar, Yana V. — Ph.D. in History, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (Krasnodar, Russian Federation); Senior Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: komaryana2006@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8401-0190>

Prigarin, Alexandr A. — Dr. of History, Leading Researcher, Professor of the Educational and Scientific Center of Social Anthropology, the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: prigarin.alexand@gmail.com ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6684-309X>

For citation: Komar, Y. V., and A. A. Prigarin. 2026. Cultural-Historical Heritage in Interethnic Relations in Northern Azov Sea Area (Eastern Novorossia). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 152–166.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No 25-18-01040, <https://rscf.ru/project/25-18-01040/>

Введение

«Новые» или «исторические» регионы Российской Федерации представляют собой центральную и восточную часть историко-этнографического района «Новороссия», «Южная / Степная Украина» или «Северное Причерноморье и Приазовье». Даже в самом названии этих земель просматривается фронтальный характер населения в его историко-культурном развитии. С самого начала формирования этого района (конец XVIII — первая треть XIX вв.) данные территории характеризовались многоукладным характером своих жителей. Актуальность темы межэтнического взаимодействия в регионе с исторически сложной этнокультурной структурой обусловлена политическими и социальными изменениями, произошедшими в Новороссии в последние десятилетия. Проблемы этнической идентичности, конфликты стереотипов, религиозные различия и процессы культурной интеграции требуют научного анализа и разработки рекомендаций для гармонизации межнациональных отношений. При этом, все эти деликатные проблемы не возможно корректно решить без учета самобытного исторического опыта взаимодействия народов в этом самобытном поликультурном регионе.

В процессе поиска актуальных материалов по теме межнациональных отношений в Новороссии было обнаружено, что доступность академических источников ограничена. Это может быть связано с тем, что межнациональные отношения в регионе являются сложной и деликатной темой, что может затруднить публикацию исследований, особенно если они содержат критические или противоречивые выводы. Следует отдать должное, что в последние годы в связи с интересом к региону возросло и количество работ стало увеличиваться.

Первая группа исследователей описывает исторический путь Новороссии от времен Екатерины II до современных событий в контексте российской истории, основываясь на архивных материалах (В. В. Артемов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, С. Н. Санжаров). В своей статье Артемов В. В. показывает, как имперская политика создавала основу для межэтнического взаимодействия, отмечает конфликты между казаками, крестьянами и колонистами, подчеркивает важность экономической кооперации, но не затрагивает постсоветский период, что ограничивает применимость к современности (Артемов 2024). П. П. Семенов-Тянь-Шанский подчеркивает историческую интеграцию разноэтничных групп под русской администрацией, указывает на конфликты, связанные с колонизацией и ассимиляцией, фокусируясь исключительно на дореволюционном периоде (Семенов-Тянь-Шанский 2014). С. Н. Санжаров проводит глубокий исторический анализ, основанный на архивных данных, но размышляет о регионе Новороссия, заселенным исключительно малороссами и русскими, недостаточное уделяя внимание современным этническим и социальным динамикам (Санжаров 2021).

Вторая группа исследователей дискутирует о судьбе данной территории в философском направлении. Например, В. Ю. Даренский утверждает, что ментальные конфликты в Украине обусловлены столкновением разных типов модерна, а их гармонизация возможна только в рамках реинтеграции евразийского пространства, но при этом сводит межнациональные отношения к противостоянию «русского» и «украинского», игнорируя более сложные этнические и социальные динамики. Автор выдвигает тезис о «новороссах» как новом этносе, что является спорным вопросом и не подтверждается большинством академических исследований (Даренский 2014). А. Л. Мясников описывает текущий конфликт как цивилизационный раскол, главная причина которого «украинский национализм» и западное влияние. Автор предлагает силовую интеграцию и идеологическую работу, игнорируя при этом локальные идентичности (Мясников 2024).

Третья группа исследователей рассматривает Новороссию как исторически сложный регион с динамичными идентичностями. А. А. Смирнов попытался проанализировать Новороссию как «русский проект» с XVIII по XXI в., сравнив регион с другими имперскими окраинами (Поволжье, Кавказ). Один из основных тезисов работы заключается в том, что Новороссия — зона постоянного переформатирования идентичностей, поэтому основной упор должен делаться на «мягкую силу» через культуру и образование (Смирнов 2024). К этой же группе следует отнести работу Е. Е. Жуковской, которая рассматривает Новороссию как регион с уникальными историческими и культурными особенностями, подчеркивается важность интеграции и гармонизации межнациональных отношений. Е. Е. Жуковская сосредоточена на практических решениях, предлагая конкретные примеры проектов и программ, делая акцент на роли НКО, «мягкой силе» и общественной дипломатии (Жуковская

2023). Материалы формата сборника хороши тем, что в них размещены кейсы локальных сообществ (Донбасс, Херсон, Одесса), фиксируется сложность идентичностей, анализируется роль СМИ, образования и войны в расколе общества, а также приводятся практические примеры grassroots-инициатив по диалогу, но с другой стороны материалы носят несистематизированный характер и варьируются от научных статей до текстов с явным пропагандистским уклоном (Чаленко 2023).

Анализ англоязычных источников показывает, что большинство из них являются вторичными и отражают различные интерпретации событий в Новороссии. Западные издания часто демонстрируют критическую позицию по отношению к России, что свидетельствует о политической предвзятости (Newman 2015; Toal 2015). Если посмотреть на материалы в разрезе 2015–2025 гг., то мы четко фиксируем сдвиг в риторике, что указывает на изменчивость идеологических конструктов вокруг Новороссии и демонстрирует, как внешнеполитические факторы влияют на локальные идентичности и конфликты (Sonne 2015).

Несмотря на жесткую бинарность «русские — украинцы», эти этнокультурные идентичности на современном этапе являются «заложниками» агрессивности, отражая мировоззренческие и политико-общественные установки больше, нежели культурно-этнографические. При этом, следует указать, что приазовский регион сформировался и воспроизводился на протяжении не менее двух столетий, как многокультурный в российском/советском/и, даже — украинском политико-социальном пространстве. И это предоставляло уже гуманитарной науке своеобразные эксперименты сохранения «инаковости» в условиях модернизации/урбанизации. Продуктивные разработки были практически синхронными первоначальным этапам формирования этого «плавильного котла» этничностей и продолжались с разной степенью интенсивности на протяжении всего времени воспроизводства этого феномена.

Это «этнографическое поле» выступало одним из принципиальных на ранних этапах развития нашей науки (подр. см.: Розуменко 2005–2009: 480–540). Отметим тут как компаративную перспективу многих народов (например, Скальковский 1836; 1838; 1850 и др.), так и внимание к отдельным этнокультурным традициям (Ястребов 1894; Державин 1914; Кеппен 1864; Клаус 1869 и т. д.). Именно эти продуктивные разработки были положены в советской науке в основу как исторических обобщений (Дружинина: 1955; 1959; 1970; 1981; Кабузан 1963; 1976), так и серьезных этнографических работ (Культурно-бытовые процессы 1979; Материальная культура 1979). Концепт «многонародности» (правда, в другой риторике) активно развивался в украинской историографии (Наулко 1975; 1998; Боряк 2006). Получают свое изучение и отдельные этнокультурные общности (например: Пачев 2007; Плесская 2008; Терентьева 1999 и др.). Преемственность последних этапов ярко иллюстрируют работы, посвященные албанскому населению Буджака и Приазовья (Иванова 2006; Новик 2016).

Для получения полной картины мы руководствовались принципом сочетаемости материалов из различных историографических ландшафтов, учитывая их потенциальную ангажированность. Таким образом, с одной стороны, речь идет об актуальной и «животрепещущей» теме межнациональных отношений в Новороссии, а с другой, ограниченность аналитических материалов, что, несомненно, свидетельствует о необходимости глубокого и подробного изучения данного вопроса.

Многообразие групп и внутренняя дифференциация

Кроме русских и украинцев, которые в отдельных регионах составляли не более трети от общего состава населения, здесь в Новороссии компактно проживали: евреи, немцы, молдаване, болгары, греки, гагаузы, армяне, албанцы и т. д. Отметим, что и внутри всех этих этнических общностей существовали и проявлялись различные социальные, конфессиональные и т. п. групповые различия. Например, среди русских — старообрядцы, молокане, духоборы, мещане, купцы и др.; среди украинцев — крестьяне, казаки, штундисты (будущие — баптисты), райки, мещане и т. д. Для болгар было характерным сохранение специфики своих предыдущих мест жительства, а для немцев — наряду с этим еще и религиозных особенностей (меннониты, католики, протестанты).

Следует также указать, что общность историко-этнографического района оказывается не такой уж гомогенной, здесь сложились и развивались отдельные субрайоны, отображающие, прежде всего, своеобразие населения, а также специфику исторического развития. Так, ДНР и ЛНР почти полностью составляют «Донбасс», который характеризуется достаточно ранней урбанизацией и модернизацией. В городских агломерациях этого региона этнокультурные процессы сформировали интернациональный состав населения, в котором тяжело просматриваются традиционные различия. Часть Запорожской области образует «Приазовье», где больше половины населения исторически представляли греков, болгар, гагаузов, албанцев, немцев, евреев и т. д. Даже русские на этих землях представляли собой религиозных диссидентов: молокан и духоборов. Херсонская область — «Нижнее Поднепровье» с заметным казацким субстратом в историческом разрезе. Основная масса сельского населения этого субрегиона составляла потомков украинских казаков и крестьян.

При этом, все вышеперечисленные общности создавали органический вариант региональных культуры, в котором воспроизводились как общие тенденции в развитии, так и своеобразие каждого из сегментов этнокультурной палитры. В основе этой «культуры добрососедства» находилось разделение труда и специализация, которая лишала конкурентной составляющей групповые практики, а сводила ее к торгово-экономической кооперации. Однако, регион порой поражал стрессами в этнической теме: так, несмотря на значительность иудейской составляющей в демографическом разрезе, именно здесь прошли самые кровавые и масштабные «еврейские погромы» и аналогичные трагедии во время Гражданской войны.

Историческая динамика

1920-е годы стали временем уникального этнокультурного подъема в Новороссии, регион переживал «национальное возрождение». В рамках политики коренизации (проводившейся в СССР для укрепления советской власти через поддержку национальных культур) регион пережил настоящий ренессанс этнического самосознания. На месте отдельных поселков и колоний формировались национальные советы, а в некоторых случаях — целые национальные районы, например, немецкие районы в Одесской и Днепропетровской областях; болгарские сельсоветы в Приазовье; греческие культурные автономии в Донбассе. В городах и крупных селах активно готовились национальные кадры — учителя, артисты, журналисты, функционировали театры (например, еврейские театры в Одессе); школы с преподаванием на родных

языках (немецкие, греческие, польские). Именно в этот период сложилось то культурно-лингвистическое многообразие и своеобразие, которое до сих пор определяет идентичность региона: русские, болгары, греки, евреи, немцы, молдаване, поляки и другие народы сосуществовали в гармонии.

Однако, уже в 1932–1934 гг. вся эта элементарная инфраструктура этнической мобилизации и структуризации была свернута, а ее проводники, нередко — репрессированы. Переход на русскоязычное образование привело к постепенной ассимиляции меньшинств. Этот период стал культурной катастрофой для многих народов Новороссии — их элиты были уничтожены, а институты самоорганизации разрушены на десятилетия.

Великая Отечественная война и послевоенные репрессии окончательно трансформировали этнокультурный облик региона. В ходе Холокоста были убиты десятки тысяч евреев Новороссии (особенно в Одессе, Николаеве, Херсоне). После войны еврейская община так и не восстановила прежнего влияния. В 1941 г. советские немцы были массово выселены в Сибирь и Казахстан. После войны депортации коснулись и тех, кто остался в оккупации (их обвиняли в коллаборационизме). Немецкие села опустели, а их культура исчезла из публичного пространства. В бывшие немецкие и еврейские поселки переселялись из многих мест Европейской части СССР: переселенцы из России и восточных областей УССР (из-за послевоенного дефицита рабочих рук); участники операции «Висла» (1947) — украинцы и лемки из Польши (их размещали в бывших немецких колониях); мигранты из западных областей УССР (особенно после коллективизации). Интересно, что именно тогда в регионе появилось пренебрежительное прозвище «бандеры» и «вуйки» — так местные жители называли переселенцев с Западной Украины, которых подозревали в связях с ОУН-УПА.

Периодом резких трансформаций стали для Новороссии 1920–1940-е годы: сначала — краткий расцвет национальных культур; затем — их насильственное подавление; наконец — демографические катастрофы, изменившие лицо региона. Эти процессы предопределили многие современные проблемы: утрата языкового разнообразия (например, почти исчезли немецкий, идиш, греческий в публичной сфере); разрыв исторической памяти (потомки депортированных немцев или уничтоженных евреев часто не знают о своих корнях); конфликт идентичностей (например, противоречия между «старожилами» и потомками послевоенных переселенцев).

Послевоенный период ознаменовался интенсивной урбанизацией Новороссии, особенно в Донбассе, где потребности восстановления и развития промышленности требовали значительных трудовых ресурсов. Кроме непосредственных переселений из сельской местности в города внутри региона, Северное Причерноморье и Приазовье привлекали трудовые ресурсы практически со всего СССР. Это, естественно, усложнило этническую структуру населения. Данный процесс имел несколько ключевых аспектов, сочетая как внутрирегиональную миграцию (массовый переток сельского населения в города (Донецк, Луганск, Мариуполь, Запорожье, Днепрпетровск); формирование промышленных центров, где доля городского населения к 1970-м годам превышала 80%; разрушение традиционного сельского уклада жизни многих этнических групп (болгар, греков, гагаузов), так и всесоюзный характер миграционных потоков (русские и украинцы из центральных областей РСФСР и УССР; белорусы, представители народов Поволжья и Северного Кавказа; жители республик Средней Азии и Закавказья).

Вместе с тем, достаточно взвешенная национальная политика, декларируемый «интернационализм» не позволял развиваться ни одному из этнических конфликтов. Создается парадоксы советской модели: сохранение элементов этнической идентичности при доминировании русской культуры и формальное равенство при фактическом преобладании русско-украинского компонента в управлении.

Последнее десятилетие СССР принесло новые демографические изменения: беженцы из зон межнациональных конфликтов (армяне из Сумгаита и Баку (после событий 1988–1990 гг.), турки-месхетинцы из Средней Азии, греки-понтийцы из зон грузино-абхазского противостояния, молдаване из Приднестровья и т. д.

В украинский период эмансипация и, даже — идеализация этничности приводит не только к манифестации «титულიной нации», но и вызывает существенную этнизацию среди «национальных меньшинств». Именно такой правовой статус получают более четверти всех граждан Украины и почти половина от всех жителей Новороссии по Закону Украины «О национальных меньшинствах» (22.06.1992 г.): официальное признание 27% граждан Украины (и до 45% жителей Новороссии) представителями нацменьшинств; гарантии языковых и культурных прав для 130 этнических групп; создание правовой базы для этнокультурной автономии.

В то время как украинская идентичность активно конструировалась как государствообразующая, меньшинства получили беспрецедентные возможности для самоорганизации. В Одесской области было зарегистрировано 17 национально-культурных обществ только в первый год действия закона. В Донецке открылись болгарские, греческие и еврейские культурные центры. В Крыму возродилось движение крымских татар. Этот же закон, гарантируя свободное развитие своего языка и культуры, стимулировал появление «новых» общностей в регионе за счет миграции из ряда стран (например, Турция, Греция и т. д.). Интеллигенция как «старых», так и «новых» этнических групп активно включилась в выстраивание своего образования, институций культуры и, даже — политики. Не последнюю роль в этих процессах играли «исторические Родины» этих групп: Румыния, Болгария, Греция, Германия и т. д. Существовали образовательные и историко-культурные программы, направленные на поддержку этих бывших соотечественников. В результате, были не только созданы структуры этнической мобилизации, но и часть этих групп эмигрировало в эти страны, что существенно усилило «депопуляцию» Украины.

К началу 2000-х годов этнический фактор в Новороссии превратился в значимую политическую силу, что проявилось в нескольких взаимосвязанных процессах. С одной стороны, активно формировались этнические лобби в местных советах, создавались национальные партии (такие как «Союз болгар Украины»), а этнический ресурс стал важным инструментом в избирательных кампаниях. Кульминацией этого этапа стало принятие в 2012 г. Закона «Об основах государственной языковой политики» (03.07.2012), который легализовал двуязычие в 13 регионах и фактически признавал русский язык вторым по значимости. Однако у этой политики мультикультурализма оказалась и обратная сторона: массовая эмиграция квалифицированных специалистов в страны ЕС (до 300 тыс. представителей меньшинств к 2014 г.), демографический дисбаланс в сельской местности и рост националистических настроений как реакция на усиление этнических сообществ.

Резкий поворот произошел в 2014 г., когда отмена языкового закона 23 марта стала символическим завершением эпохи этнического плюрализма. Непосредствен-

ными последствиями стали закрытие почти половины национальных школ, прекращение финансирования большинства культурных программ и массовый исход национальной интеллигенции. В долгосрочной перспективе это привело к потере доверия меньшинств к украинскому государству, ускорению депопуляции регионов и радикализации части этнических сообществ. Эти внутренние процессы быстро приобрели геополитическое измерение — языковой вопрос превратился в инструмент внешней политики, проблема прав меньшинств была включена в международные переговоры, а через призму этничности стал формироваться образ внешнего и внутреннего врага, что существенно повлияло на дальнейшее развитие региона.

Современные вызовы (2014–2024): демографические изменения и конфликты идентичностей

Период 2014–2022 гг. кардинально изменил этнический состав населения Новороссии. Эти изменения носили как принудительный, так и добровольный характер, что привело к значительной трансформации межнациональных отношений в регионе. В первые годы после событий 2014 г. наблюдалась активная репатриация отдельных этнических групп, инициированная их историческими родинками. Так, регион покинули: евреи (около 10 тыс. человек) — потомки тех, кто не уехал в ходе массовой эмиграции 1989–1995 гг.; чехи (около 1,5 тыс.); немцы (примерно 1 тыс.); частично греки и болгары (не более 2% от общин, насчитывавших 98 тыс. и 36 тыс. соответственно). Этот процесс привел к сокращению этнокультурного разнообразия, особенно в городах, где данные группы играли заметную роль в экономической и культурной жизни.

Отдельным фактором стали миграции религиозных меньшинств, в частности протестантских общин (евангелистов, баптистов, пятидесятников и т. д.), которые столкнулись с давлением как со стороны украинских властей, так и со стороны властей ЛНР и ДНР. Их отъезд в другие страны привел к исчезновению целых религиозно-этнических анклавов, что ослабило гражданское общество региона.

На территориях, оставшихся под контролем Киева, межнациональные отношения приобрели откровенно дисгармоничный характер. Русофобия, возведенная в ранг государственной политики, затронула не только русских, но и другие этнические группы — молдаван, болгар, гагаузов, чьи культурные организации (музеи, школы, фольклорные коллективы) оказались фактически маргинализированы. К 2013 г. были созданы полноценные общественные национально-культурные общества, музеи, школы, фольклорные коллективы и т. д., а после 2014 г. представители «неукраинской Украины» оказались блокируемы в публичном пространстве националистического режима.

Концепт «єдності» (единства) на практике означал подавление любых форм национально-культурного возрождения, не вписывающихся в украинский националистический нарратив. Местная элита пребывала в растерянности от того, что не понимала, что делать с многочисленными единицами культурно-образовательной инфраструктуры. Ранее поддерживавшие этнокультурные инициативы оказались перед дилеммой: либо подчиниться новой идеологии, либо исчезнуть. В результате многие организации продолжали существовать лишь формально, вынужденно акцентируя темы «голодомора» и «депортаций» и других сюжетов антирусской направленности, что еще больше углубляло межэтническую разнь.

С началом Специальной военной операции (СВО) демографическая ситуация в Новороссии претерпела новые изменения. Говорить о количественном измерении даже в демографическом плане не приходится — в связи с отсутствием этих данных в публичном пространстве. Но можно предположить, что общее сокращение населения не менее чем в 2–2,5 раза за счет: массовой эвакуации в Россию и третьи страны; вынужденных переселений внутри региона. При этом сельские этнические анклав (греческие, албанские, молдавские, болгарские, гагаузские) сохранились, хотя и сократились численно. Это свидетельствует о том, что коренные группы, в отличие от городского населения, оказались менее мобильны и более привязаны к своей земле.

Помимо уже описанных процессов, можно выделить три дополнительных аспекта, влияющих на межэтническую ситуацию:

1. Усиление этнической замкнутости. Из-за военных действий и политики Киева, направленной на ассимиляцию, многие меньшинства стали более закрытыми. Например, болгары и гагаузы, ранее активно взаимодействовавшие с русскими и украинцами, теперь избегают публичной демонстрации своей идентичности, опасаясь репрессий. Это ведет к фрагментации общества и росту взаимного недоверия.
2. Политизация этничности. Власти Украины используют этнические различия как инструмент давления. Например, молдаван и гагаузов принуждают отказываться от пророссийских симпатий, угрожая лишением социальных льгот. Это искусственно нагнетает конфликты внутри общин, где часть населения вынуждена демонстрировать лояльность Киеву, а другая — скрытно поддерживает связи с Россией.
3. Утрата культурной инфраструктуры. Закрытие национальных школ, музеев и СМИ привело к разрыву межпоколенческой передачи традиций. Молодежь, лишённая доступа к образованию на родном языке, быстро ассимилируется, что в долгосрочной перспективе грозит исчезновением целых этнических групп в регионе.

Ключевые риски и пути гармонизации

Эксперты в этом регионе отмечают дефицит и нехватку эмпирических данных о фактическом стоянии и рисках в «национальных вопросах». Так, ни один из нас не рискнет оценивать состав и структуру населения — последняя перепись была проведена в 2001 г. (!). При этом, очевидны риски, которые проявляются и которых возможно избежать в последующем. Попробуем их сгруппировать и обозначить, а также наметить возможные векторы их преодоления.

1. *Риски «конфликтов доктрин».* В этом контексте достаточно успешно идут процессы «контрпропаганды». Именно она позволяет преодолеть данную разновидность конфликтов, которые присутствовали в бывшем украинском социуме. Уверены, что только таким способом можно развенчать русофобию, которая укоренилась через образование и культурные акции среди украинских граждан среднего и младшего возрастов. Простым «импортом» стандартов и учебных пособий в средние школы с целью сохранения и воспроизводства «этнической картины» мира не обойтись — это крайне важное и нужное дело, но недостаточное. Заменить этническую номенклатуру бинарным путем, оставив ее «субъектность» в качестве фактора исто-

рического процесса не приведет к ожидаемым результатам. Историческая память региона, которая была «изнасилована» в угоду нацистской идеологии, требует планомерной и системной реставрации. Здесь мы имеем дело не столько с региональным вариантом общероссийской идентичности, сколько с самобытным и выразительным феноменом. Здесь «единство и многообразие» как устойчивая категория общественного сознания россиян выступала и выступает в своих ярких формах и проявлениях. Это можно использовать как на уровне общенациональном — «НовоРОССИЯ», так и путем формирования краеведчески-регионального компонента в образовании. Именно внимание к «малой Родине» позволит разрушить/деконструировать предыдущий гранд-нарратив и встроить локальный опыт в общий российский контекст.

2. *Риски «реликтового антиколониального мировоззрения»* (или «ждуны», которые присутствуют в местном обществе). Сами по себе эти категории людей «рисками» не являются и не стоит осознавать их как угрозу. Крайне деликатно и корректно требуется препарирование их стереотипов, с разрушением их в стиле «постколониального письма». Например, для них недостаточно разрешить «георгиевскую ленту» — они не оценят эмансипацию этого символа. Большая часть из такого рода жителей не являются носителями русофобских взглядов и их трансляторами, являясь пассивными жертвами десятилетий пропаганды. Деконструкция их чаяний может идти через солидарность с ценностями российского общества, которые они, итак, разделяют (гуманизм, многоликость, демократия, свобода и т. д.). Во многом они уже убедились во время периода адаптации к российским стандартам на повседневном уровне. Их активно стоит включать в общие акции и совместные мероприятия, делая их основными участниками и акторами, как в Новороссии, так и за ее пределами.

3. *Риски «конфликта стереотипов»* особенно могут проявляться в иноэтнической среде жителей Новороссии. Гармонизация взаимодействия между представителями различных конфессий и культур может подразумевать целый набор просветительский процедур. Если для традиционного общества эти задачи решали бытовые контакты, а в XX в. — наличие советского интернационального образования, то на украинском этапе они не были реализуемы. Капсулирование и атомизация в рамках «национального образования» приводили нередко к радикальным формам этнизации общественной жизни и политики. На сегодняшний момент, российское федеральное законодательство в национально-культурной сфере позволяет эффективно воспроизводить свою «инаковость». Знакомство и овладение его потенциала явно позволит национальной элите мобилизовать «национальные меньшинства» в должном направлении. Школы, классы, музеи, дома культуры, фольклорные коллективы и т. п. выступают важнейшими субъектами и факторами как отстраивания привычной этнической инфраструктуры, так и интеграции в общероссийскую действительность. Для этого необходимо просвещать и работать с национальной элитой греков, болгар, гагаузов, албанцев и т. д. Вместе с тем, стоит усовершенствовать практику отдыха детей и молодежи из этих групп в Крыму или Краснодарском крае. Было бы желательно создание лагерей межнациональной гармонии, где кроме досуга, дети бы познакомились с себе подобными представителями этнических групп. Такого рода просвещение позволило бы избежать конфликтов в дальнейшем.

Выводы

Новороссия представляет собой уникальный полиэтничный регион, где на протяжении веков сформировалась сложная мозаика идентичностей. Исторически межнациональные отношения здесь развивались в условиях относительной стабильности благодаря советскому интернационализму и экономической кооперации, которые долгое время сдерживали потенциальные конфликты. Однако кризис, начавшийся в 2014 г., коренным образом изменил ситуацию. С одной стороны, он был вызван политизацией этничности, проявившейся в официальной русофобии и националистической риторике. С другой — демографическими потрясениями, включающими массовые миграции и значительную депопуляцию региона.

Таким образом, в современных условиях гармонизация межнациональных отношений в Новороссии требует комплексного подхода. Прежде всего, необходимо восстановление доверия между различными этническими группами через образовательные и культурные программы. Особое внимание следует уделять учету локальной специфики — например, особенностям идентичности в промышленном Донбассе в сравнении с греческими анклавами Приазовья. Важнейшим направлением должна стать активная работа с молодёжью, направленная на предотвращение передачи конфликтных стереотипов новым поколениям.

Для дальнейшего исследования данный материал представляет особую ценность как кейс «управляемого многообразия». Он позволяет проследить, как различные исторические практики — советские, украинские и российские — влияли на динамику межнациональных отношений. Уверены, что эти щепетильные вопросы нуждаются в постоянном внимании и анализе со стороны, как общественных структур, так и академического сообщества. Как показывает опыт развития подобных проблем, если ими не занимаются учеными, то чувствительные вопросы «межнациональных отношений» крайне стремительно становятся полями для спекуляций и манипуляций со стороны внешних сил.

Источники и материалы

Newman — *Newman D.* Ukraine Crisis: What is Novorossiya Role? BBC. <http://www.bbc.com/news/world-europe-31490416> (дата обращения: 26.03.2025).

Sonne — *Sonne P.* “Novorossiya” Falls from Putin’s Vocabulary as Ukraine Crisis Drags. The Wall Street Journal. <http://www.wsj.com/articles/novorossiya-falls-from-putins-vocabulary-as-ukraine-crisis-drags-1432936655> (дата обращения: 26.03.2025).

Toal, O’Loughlin — *Toal G., O’Loughlin, J.* What People in Southeast Ukraine Really Think of Novorossiya. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2015/05/25/what-people-in-southeast-ukraine-really-think-of-novorossiya> (дата обращения: 26.03.2025).

Научная литература

Артемов В. В. Рождение Новороссии: от Екатерины II до Александра I. М.: Вече, 2024. 413 с.

Боряк О. О. Україна: етнокультурна мозаїка. Київ: Либідь, 2006. 325 с.

Даренский В. Ю. Региональные типы модерна в Украине как источник ментальных конфликтов // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 1. С. 38–55.

Державин Н. С. Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии // Сборник за народни умотворения и народопис. Т. XXV. София: Държавна печатница, 1914. 259 с.

- Дружинина Е. И.* Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 368 с.
- Дружинина Е. И.* Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 279 с.
- Дружинина Е. И.* Южная Украина 1800–1825 гг. Москва, 1970. 253 с.
- Дружинина Е. И.* Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825–1860 гг. М., 1981. 215 с.
- Жуковская Е. Е.* Интеграция исторических территорий Новороссии в единое государственное пространство Российской Федерации // *Власть*. 2023. Т. 31, № 5. С. 46–57. <http://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9777>
- Иванова Ю. В.* Албанцы и их соседи. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2006. 367 с.
- Кабузан В. М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII–первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М.: Наука, 1976. 307 с.
- Кабузан В. М.* Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX в. (по материалам ревизии. Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 230 с.
- Кеппен П. И.* Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1864. 510 с.
- Клаус А. А.* Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. Вып. 1. СПб.: Типограф. В. В. Нусвальта, 1869. 92 с.
- Культурно-бытовые процессы на юге Украины. / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; Отв. ред. Ю. В. Иванова. М.: Наука, 1979. 191 с.
- Материальная культура компактных этнических групп на Украине. Жилище. Отв. ред. М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1979. 190 с.
- Мясников А. Л.* Новороссия. ВоЗвращение: краткая история от Екатерины II до Путина. М.: Вече, 2024. 335 с.
- Наулко В. И.* Хто і відколи живе в Україні. Київ, 1998. 79 с.
- Наулко В. И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев: Наукова думка, 1975. 276 с.
- Новик А. А., Иванова-Бучатская Ю. В., Ермолин Д. С., Дугушина А. С., Морозова М. С.* «Приазовский отряд». Язык и культура албанцев Украины. СПб: Кунсткамера, 2016. Т. 1–2.
- Пачев С. И.* Возникновение болгарских сел в Северном Приазовье (1861–1863). Мелитополь: Издат. дом МГТ, 2007. 88 с.
- Плесская Э. Г.* Немцы Причерноморья. Одесса, 2008. 135 с.
- Розуменко Ю. Г.* Этнографическое изучение населения Юга Украины в XIX — начале XX вв. // *Stratum plus*. 2005-2009. № 6. С. 480–540.
- Санжаров С. Н.* О формировании терминов «Южная Русь», «Малая Русь», «Малороссия», «Новороссия» и «Украина» для обозначения административно-территориальных единиц (земель) Руси и российского государства // *Проблемы права: теория и практика*. 2021. № 56. С. 34–42.
- Семенов-Тянь-Шанский П. П.* Малороссия. Новороссия. Крым = Новороссия: полная история южного русского края. М.: Алгоритм, 2014. 285 с.
- Скальковский А. А.* Опыт статистического описания Новороссийского края. ред. Глав. стат. ком. Новороссийского края. Ч. 1–2. Одесса: тип. Л. Нитче, 1850–1853. Ч. 1: География, этнография, народосчисление Новороссийского края. 1850. 366 с.; Ч. 2: Хозяйственная статистика Новороссийского края. 1853. 552 с.
- Скальковский А. А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. Ч. 1. С 1730 по 1796. Одесса, 1836. 289 с.; Ч. 2. С 1796 по 1823. Одесса, 1838. 351 с.
- Смирнов А. А.* Проект Новороссия. История русской окраины. М.: Родина, 2024. 350 с.
- Терентьева Н. А.* Греки в Украине: экономическая и культурно-просветительская деятельность (XVII–XX вв.). К., 1999. 351 с.
- Чаленко А. Э.* Новейшая история Новороссии: сборник статей и интервью (2007–2022). Федеральная национально-культурная автономия «Украинцы России». СПб: Алетейя, 2023. 606 с.
- Ястребов В. Н.* Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894. 202 с.

References

- Artemov, V. V. 2024. *Rozhdenie Novorossii: ot Ekateriny II do Aleksandra I* [The Birth of New Russia: From Catherine II to Alexander I]. Moscow: Veche. 413 p.
- Boryak, O. O. 2006. *Ukraina: etnokul'turna mozaika* [Ukraine: an Ethnocultural Mosaic]. Kiev: Libid'. 325 p.
- Chalenko, A. E. 2023. *Noveishaia istoriia Novorossii: sbornik statei i interv'iu (2007–2022)* [The Modern History of New Russia: A Collection of Articles and Interviews (2007–2022)]. Saint Petersburg: Aleteia. 606 p.
- Darenskii, V. Yu. 2014. Regional'nye tipy moderna v Ukraine kak istochnik mental'nykh konfliktov [Regional Types of Modernity in Ukraine as a Source of Mental Conflicts]. *Istoricheskaia psihologiya i sotsiologiya istorii* 7(1): 38–55.
- Derzhavin, N. S. 1914. Bolgarskie kolonii v Rossii (Tavricheskaya, Hersonskaya i Bessarabskaya gubernii). Materialy po slavyanskoj etnografii. In *Sbornik za narodni umotvoreniya i narodopis* [Collection of Folk Tales and Folklore]. Vol. XXV. Sofiya: D'rzhavna pechatnica, 1914. 259 p.
- Druzhinina, E. I. 1955. *Kuchuk-Kainardzhiskii mir 1774 goda* [The Kuchuk-Kainarji Peace Treaty of 1774]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 368 p.
- Druzhinina, E. I. 1959. *Severnoe Prichernomor'e v 1775–1800 gg.* [The Northern Black Sea Region in 1775–1800]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR. 279 p.
- Druzhinina, E. I. 1970. *Yuzhnaya Ukraina 1800–1825 gg.* [Southern Ukraine in 1800–1825]. Moscow. 253 p.
- Druzhinina, E. I. 1981. *Yuzhnaya Ukraina v period krizisa feodalizma. 1825–1860 gg.* [Southern Ukraine During the Crisis of Feudalism. 1825–1860]. Moscow. 215 p.
- Ivanova, Yu. V. (ed.). 1979. *Kul'turno-bytovye protsessy na yuge Ukrainy* [Cultural and Everyday Processes in Southern Ukraine]. Moscow: Nauka. 191 p.
- Ivanova, Yu. V. 2006. Albancy i ikh sosedi [Albanians and Their Neighbors]. Moscow: Nauka. 367 p.
- Kabuzan, V. M. 1963. *Narodomaselenie Rossii v XVIII — pervoi polovine XIX v. (po materialam revizii)* [The Population of Russia in the 18th — First Half of the 19th Century (Based on Revision Materials)]. Moscow: AN SSSR. 230 p.
- Kabuzan, V. M. 1976. *Zaselenie Novorossii (Ekaterinoslavskoi i Khersonskoi gubernii) v XVIII — pervoi polovine XIX veka (1719–1858 gg.)* [The Settlement of Novorossiia (Ekaterinoslav and Kherson Provinces) in the 18th — First Half of the 19th Century (1719–1858)]. Moscow: Nauka. 307 p.
- Köppen, P. I. 1864. *Khronologicheskii ukazatel' materialov dlia istorii inorodtsev Evropeiskoi Rossii* [Chronological Index of Materials on the History of Non-Slavic Peoples in European Russia]. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk. 510 p.
- Klaus, A. A. 1869. *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostranno kolonizatsii v Rossii* [Our Colonies: Studies and Materials on the History and Statistics of Foreign Colonization in Russia]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya V. V. Nusval'ta. 92 p.
- Myasnikov, A. L. 2024. *Novorossiia. Vozvrashenie: kratkaya istoriya ot Ekateriny II do Putina* [New Russia. The Return: A Brief History from Catherine II to Putin]. Moscow: Veche. 335 p.
- Naulko, V. I. 1975. *Razvitie mezhetnicheskikh svyazei na Ukraine* [The Development of Interethnic Relations in Ukraine]. Kiev: Naukova dumka. 276 p.
- Naulko, V. I. 1998. *Khto i vidkoly zhyve v Ukraini* [Who and Since When Lives in Ukraine]. Kiev: Golovna spetsializovana redaktsiia literaturi movami natsional'nykh menshin Ukraini. 79 p.
- Novik, A. A., Yu. V. Ivanova-Buchatskaya, D. S. Ermolin, A. S. Dugushina, and M. S. Morozova. 2016. *“Priazovskii otryad”. Yazyk i kul'tura albansev Ukrainy* [“The Azov Detachment”. Language and Culture of the Albanians of Ukraine]. 2 vols. Saint Petersburg: Kunstkamera.

- Pachev, S. I. 2007. *Vozniknovenie bolgarskikh sel v Severnom Priazov'e (1861–1863)* [The Emergence of Bulgarian Villages in the Northern Azov Region (1861–1863)]. Melitopol': Izdatel'skii dom MGT. 88 p.
- Pleskaya, E. G. 2008. *Nemtsy Prichernomor'ia* [Germans of the Black Sea Region]. Odessa: Astroprint. 135 p.
- Rabonovich, M. G. (ed.). 1979. *Material'naya kul'tura kompaktnykh etnicheskikh grupp na Ukraine. Zhilishche* [The Material Culture of Compact Ethnic Groups in Ukraine. Housing]. Moscow: Nauka. 190 p.
- Rozumenko, Yu. G. 2005–2009. Etnograficheskoe izuchenie naseleniya Yuga Ukrainy v XIX — nachale XX vv. [Ethnographic Study of the Population of Southern Ukraine in the 19th — Early 20th Centuries]. *Stratum plus* 6: 480–540.
- Sanzharov, S. N. 2021. O formirovanii terminov «Yuzhnaya Rus'», «Malaya Rus'», «Malorossiya», «Novorossiya» i «Ukraina» dlya oboznacheniya administrativno-territorial'nykh edinit (zemel') Rusi i rossiiskogo gosudarstva [On the Formation of the Terms “Southern Rus”, “Little Rus”, “Little Russia”, “Novorossiya” and “Ukraine” for Designating Administrative-Territorial Units (Lands) of Rus' and the Russian State]. *Problemy prava: teoriya i praktika* 56: 34–42.
- Semenov-Tyan-Shanskii, P. P. 2014. *Malorossiya. Novorossiya. Krym = Novorossiya: polnaya istoriya yuzhnogo russkogo kraia* [Little Russia. Novorossiya. Crimea = Novorossiya: The Complete History of the Southern Russian Region]. Moscow: Algoritm. 285 p.
- Skalkovskii, A. A. 1836–1838. *Khronologicheskoe obozrenie istorii Novorossiiskogo kraia* [Chronological Review of the History of the Novorossiysk Region]. 2 vols. Vol. 1: *S 1730 po 1796* [From 1730 to 1796]. 1836. 289 p. Vol. 2: *S 1796 po 1823* [From 1796 to 1823]. Odessa. 351 p.
- Skalkovskii, A. A. 1850–1853. *Opyt statisticheskogo opisaniia Novorossiiskogo kraia* [Statistical Description of the Novorossiysk Region]. 2 vols. Vol. 1: *Geografia, etnografia, narodoschislenie Novorossiiskogo kraia* [Geography, Ethnography, and Demography of the Novorossiysk Region]. 1850. 366 p. Vol. 2: *Khozyaistvennaia statistika Novorossiiskogo kraia* [Economic Statistics of the Novorossiysk Region]. Odessa: Tipografiia L. Nitche. 552 p.
- Smirnov, A. A. 2024. *Proekt Novorossii. Istoriia russkoi okrainy* [The Novorossiya Project: The History of a Russian Borderland]. Moscow: Rodina. 350 p.
- Terentieva, N. A. 1999. *Greki v Ukraine: ekonomicheskaia i kul'turno-prosvetitel'skaia deiatel'nost' (XVI–XX vv.)* [Greeks in Ukraine: Economic and Cultural-Educational Activities (16th–20th Centuries)]. Kiev: Akvilon-press. 351 p.
- Yastrebov, V. N. 1894. *Materialy po etnografii Novorossiiskogo kraia* [Materials on the Ethnography of the Novorossiysk Region]. Odessa: Tipografiia Okruzhnogo shtaba. 202 p.
- Zhukovskaya, E. E. 2023. Integratsiia istoricheskikh territorii Novorossii v edinoe gosudarstvennoe prostranstvo Rossiiskoi Federatsii [Integration of the Historical Territories of Novorossiya into the Unified State Space of the Russian Federation]. *Vlast'* 31(5): 46–57. <http://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9777>